

УДК 321.021

БАДМАЦЫРЕНОВА Елизавета Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории права и государства Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; el.leonidovna@mail.ru)

ДОРЖИЕВА Светлана Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; dsv_1@mail.ru)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических подходов к изучению политического участия женщин. В развитии политической науки в этом предметном поле можно выделить три парадигмы: основное направление, которое характеризуется весьма ограниченным интересом к данной проблематике, а также марксистский и феминистский подходы. В России исследования политического участия также характеризуются широкой палитрой концепций, в которых проблематизируются различные аспекты гендерного разрыва, сравнительно слабой интеграции женщин в политику и политические институты.

Ключевые слова: женщины, политическое участие, гендер, политология

Политическое участие женщин занимает особое место в проблемном поле политико-правовых и социологических исследований. Исторически общественно-политическое влияние представительниц женского пола было существенно ограничено, что было обусловлено господством традиционного политического порядка и их слабой интеграцией в институты общественного производства. По мере роста образования, доходов и занятости женщины в разных странах, в т.ч. и в России, все более стремятся к расширению своих политических и экономических прав и участию в общественно-политическом процессе. Политико-правовая эмансипация, признание в женщинах полноправных субъектов права в разных странах занимает продолжительное время и требует существенных усилий как от самих женщин, так и от государств и иных политических институтов.

В современном мире международное политическое и правовое признание прав женщин и борьба с дискриминацией выходит на новый уровень с возникновением ООН, в Уставе которой закреплено положение о равноправии мужчин и женщин. В 1952 г. была принята Конвенция о политических правах женщин, согласно которой женщинам принадлежит право избирать, быть избранными на всех выборах, занимать должности общественно-государственной службы и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации¹.

В 1967 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о ликвидации дискриминации в отношении женщин, а в 1979 г. — Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, согласно которой на государства — участники международных пактов о правах человека «возлагается обязанность обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми

¹ Конвенция о политических правах женщины. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml (проверено 15.04.2019).

экономическими, социальными, культурными, гражданскими и политическими правами»¹.

В России лишь с возникновением Советского государства оформляется новое направление государственной политики, нацеленное на вовлечение женщин в общественно-политическую деятельность. Вместе с тем провозглашенное равенство между мужчинами и женщинами в значительной степени выступало как использование женского потенциала для решения политических, идеологических, экономических и других задач государства, а также существенных проблем неравного положения женщин. Ряд исследователей констатируют, что в России положения Конституции о равноправии мужчин и женщин и равенстве возможностей их осуществления носят декларативный характер, поскольку «недостаточно разработана и эффективна система мер, обеспечивающих их реализацию» [Николаева 2009: 20].

Проблема политического участия женщин имеет несколько измерений. Во-первых, многие исследователи задают вопрос: почему, несмотря на антидискриминационную политику, проводимую на всех уровнях властных отношений, включая глобальный, женщины все еще менее успешны в политической сфере. Второй вопрос затрагивает особенности гендерного измерения функционирования и развития политических институтов. Например, насколько «гендерны» формальные структуры и неформальные «правила игры», и как воспроизводится гендерный институциональный властный порядок [Krook, Maskau 2011: 1].

В развитии теоретического осмысления политического участия женщин можно выделить ряд моделей, повлиявших на развитие этого перспективного исследовательского поля. В целом, можно отметить существование определенного разрыва между общей теорией политики и концептуальными моделями политического участия женщин. Во многих работах крупных теоретиков вопросам женского участия не придается большого значения, они попадают в своеобразное «слепое пятно». Но под влиянием политической практики, широких общественных изменений и феминистской критики, начиная с 70-х гг. XX в., в Западной Европе и США все более расширяется взаимодействие «большой» теории и гендерных исследований [Здравомыслова, Темкина 2015: 34]. В России становление этого научного направления приходится на 90-е гг. XX в., хотя многие проблемы политической культуры, участия и деятельности женщин поднимались и в работах советского периода.

В целом можно выделить три основных направления политической науки, в которых так или иначе ставится проблема политического участия женщин. Основное направление политической науки в целом характеризуется весьма ограниченным интересом к данной проблематике. Вопросы женского участия долгое время занимали в нем маргинальное положение. Марксизм и неомарксистские теории уделяют этим темам гораздо большее внимание. На основе концепций основоположников марксизма формировались альтернативные политико-правовые модели вовлечения женщин в политику, например в Советском Союзе и ряде иных соцстран. Феминистское направление, прошедшее в своем развитии три крупных этапа, к настоящему времени добилось признания в качестве одного из магистральных направлений политической науки. Для многих исследований, особенно начиная с 70-х гг. XX в., характерны сближение теоретических позиций различных направлений и адаптация элементов разных парадигм в конкретных исследованиях и академической практике.

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (проверено 15.04.2019).

Идеи европейской общественно-правовой и политической мысли Нового времени о политико-правовом статусе женщины были довольно разнообразными и противоречивыми, однако их объединяет представление о связи правового неравенства мужчины и женщины с имущественным неравенством. Кроме того, неравное положение женщин в философии Нового времени часто трактовалось через призму морального видения. К середине XIX в. женский вопрос концентрировался вокруг семейного и общественного положения женщин, их правового и имущественного статуса и, что стало его центральным ядром, политико-правового положения, избирательных прав и эмансипации женщин. В этот период начинается первая волна феминизма — суфражистское движение как форма общественно-политической и научной активности.

В это время существенное влияние на развитие исследований политического участия женщин оказала марксистская парадигма. Основоположники этого подхода рассматривали эту проблему через призму классового подхода и концепции так называемого женского вопроса, согласно которой главной причиной неравенства полов является неравенство экономического и политико-правового классового положения. Фридрих Энгельс писал о системе «двойного угнетения»: «согласно ей, женщины пролетарского класса в буржуазном обществе угнетены как класс и как пол» [Энгельс 1980: 74].

Первым государством, перешедшим к реализации марксистской модели, стал СССР. Советские идеологи рассматривали женский вопрос в тесной связи с развитием социально-политической активности трудящихся женщин и задачами преодоления культурной отсталости работниц и крестьянок: это достижение всеобщей грамотности женщин, освобождение их от религиозного влияния, овладение передовым культурным наследием, без чего женщина не могла заниматься государственной и общественной деятельностью [Бадмацыренова 2012: 22]. Вовлечение женщин в управление общественными предприятиями и в управление государством на идеологическом уровне рассматривалось как один из основных путей достижения равенства с мужчинами, а на практическом — как метод мобилизации женщин на проведение партийной политики большевиков. При этом долгое время считалось, что для этого были созданы необходимые правовые механизмы: «кроме Советской России, нет ни одной страны в мире, где бы было полное равноправие женщин» [Ленин 1970: 200].

В рамках структурно-функционального направления была сформулирована теория половых ролей, в которой взаимодействие между мужчинами и женщинами было описано как ценностно-нормативно регулируемые статусно-ролевые мужские и женские комплексы. Т. Парсонс и его последователи в анализе семьи разделили женские (экспрессивные) и мужские (инструментальные) роли [Parsons, Bales 1955: 23]. Это заложило основу «консервативной социологии гендера, получившей развитие вместе с бурным ростом социального знания в Америке в 1950–1960-х годах» [Коннел 2015: 48]. Для этого подхода в целом характерно разведение биологических и социальных оснований половой дифференциации, отделение физико-органических факторов от личностно-психологических, культурных и социальных.

Важным элементом теории половых ролей является то, что в ней были предложены политико-реформистские принципы через целенаправленную модификацию/модернизацию ролевых гендерных ожиданий. Современный феминизм «потратил много энергии на разработку антисексистских школьных программ, разработку и принятие антидискриминационных законов, развитие политики равных возможностей на рынке труда и кампании позитивного действия» [Коннел 2015: 71].

В 60-е гг. XX в. начинает разворачиваться критика структурно-функциональ-

ного подхода со стороны феминистского направления в рамках второй волны феминистского движения, иногда доходившая до крайностей [Островская 2018: 51]. Странников этого подхода часто обвиняли в биологическом детерминизме и эссенциализме, что существенно повлияло на дальнейшую применимость этой теории. К середине XX в. в объяснительных моделях низкого уровня политической активности женщин преобладали психологические концепции, в которых связывалась «природная» предрасположенность женщин и мужчин к тем или иным видам деятельности, «рациональность» мужчин и «иррациональность» женщин. Кроме того, структурный функционализм был обвинен в консерватизме, чрезмерной абстрактности и статичности, ограниченности в изучении политических противоречий и социальной динамики.

В широком академическом, политическом и активистском движении, объединенном термином «вторая волна феминизма», начавшемся в 60-е гг. XX в., возникло несколько течений политической науки. В этот период увеличивается число исследований половых ролей и различий между полами через призму либерального феминизма и радикальных феминистских подходов. В этот период в западной литературе и общественном дискурсе поднимаются вопросы политической мобилизации женщин, часто сопряженные с вопросами этничности, расы, классовой и политической принадлежности.

Особое направление составили исследования марксистского и социалистического феминизма, в которых произошел синтез марксистских идей и радикального феминизма [Hennessy 2014: 312]. Для марксистского феминизма центральной идеей стала система мужского господства через контроль труда и общественного воспроизводства, частной собственности, сексуальности и политических структур, возникающих на их основе. Представители социалистического феминизма отмечали существование «капиталистического патриархата» как сравнительно автономных «параллельных» систем множественного угнетения, в котором женщины подвергались не только классовой, но также гендерной и расовой эксплуатации [Здравомыслова, Темкина 2015: 42].

Ряд авторов отмечают происшедший в феминистских исследованиях институциональный поворот [Kennedy 2013; Gender, Politics... 2011]. Вместе с тем, как с некоторой горечью отмечают Мона Лена Крук и Фиона Макай – редакторы знакового сборника «Гендер, политика и институты: На пути к феминистскому институционализму», диалог между представителями неоинституционализма основного направления и феминистскими институционалистами все еще ограничен [Krook, Maskau 2011: 1].

Существенное влияние на изучение политического участия женщин оказали теоретические разработки крупных исследователей основного направления. В исследовании «Частные корни публичного действия: гендер, равенство и политическое участие» они обратили внимание на гендерный разрыв и гендерное неравенство в политической публичной сфере и попытались их объяснить через множественные гендерно дифференцированные институциональные паттерны повседневной жизни [Burns, Schlozman, Verba 2001: 358].

Рональд Инглхарт и Пиппа Норрис при разработке теории развития гендерного разрыва обнаружили, что женщины в развитых устоявшихся демократиях перестали быть более консервативными, нежели мужчины [Inglehart, Norris 2000: 458]. Гендерное равенство тесно сопряжено с развитием демократии, и его укрепление становится одной из основных тенденций человеческого развития; началось размывание монополии мужчин в политической жизни [Инглхарт, Вельцель 2011: 401].

Начиная с 80-х гг. XX в. разрабатывается междисциплинарное поле гендерных исследований, в котором происходит дифференциация новых школ, связанных

с изучением постколониализма и неевропейских/незападных случаев, в которых ставится под сомнение возможность экстраполяции опыта западных стран на другие регионы.

В 80-е гг. формируется новая методология гендерных исследований – интерсекциональный анализ, который постепенно приходит на смену традиционным подходам к изучению социального неравенства и стратификации [Темкина, Здравомыслова 2017: 16].

В развитии российских исследований политического участия женщин можно выделить два больших периода – советский и современный. Для первого характерны превалирование идеологического марксистского подхода, в то время как современный период характеризуются широчайшей палитрой теорий, подходов и концепций, воспринятых из западной науки.

С начала 1990-х гг. отмечается серьезное переосмысление темы. Впервые вопрос о неравном участии женщин в управлении советским государством был поставлен О. Ворониной [Воронина 1988; 1993]. По ее мнению, государственная политика в отношении женщин есть, по сути, взгляд мужчин на место и роль женщин в обществе. В советское время, по утверждению исследователя, происходило постепенное отчуждение женщин от управления государством путем различных квот и искусственного завышения числа женщин в органах власти.

В работах отечественных исследователей стали появляться и использоваться термины «гендерные исследования», «гендерные отношения». В гендерной теории проблема дифференциации мужского и женского рассматривается с принципиально иных позиций. Ее базисом выступает представление о том, что почти все традиционно считающиеся «естественными» различия между полами имеют под собой не биологические, а социальные основания. Эти различия конструируются в обществе через воздействие социальных институтов, норм и культурных установок. Признание российской наукой понятия «гендер» способствовало более активному изучению роли женщин в обществе, степени ее влияния и непосредственного участия в процессах управления. Одними из первых на гендерный подход обратили внимание Н. Пушкарева, С. Айвазова, М.П. Аракелова, Г.Г. Силласте, Р.Г. Яновский, С.В. Поленина, О.А. Хасбулатова.

Таким образом, в изучении политического участия женщин можно выделить три направления: основное, марксистское и феминистское. Долгое время проблематика «женской» политики оставалась на периферии поля зрения большой теории политики, но под давлением общественно-политической активности, академической марксистской и феминистской критики проблемное пространство политического участия женщин в настоящее время представляет собой одно из наиболее бурно развивающихся направлений политической науки.

Список литературы

Бадмацыренова Е.Л. 2012. *Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923–1991 гг.)*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 156 с.

Воронина О. 1988. Женщина в «мужском обществе». – *Социс. Социологические исследования*. № 2. С. 104-114.

Воронина О. 1993. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа. – *Феминизм*. М.: Наука. С. 205-225.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 2015. *12 лекций по гендерной социологии*. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 768 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство. 464 с.

Коннел Р. 2015. *Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика*. М.: Новое литературное обозрение. 432 с.

Ленин В.И. 1970. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. — *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы. Т. 39. С. 198-205.

Николаева Т.А. 2009. Правовое закрепление политических прав женщин и гарантий их реализации. — *Женщина в российском обществе*. № 3. С. 13-20.

Островская Е.А. 2018. *Социология религии: введение*. СПб: Петербургское востоковедение. 320 с.

Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. 2017. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях. — *Журнал социологии и социальной антропологии*. № 20(5). С. 15-38.

Энгельс Ф. 1980. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. М.: Изд-во МГУ. 84 с.

Burns N., Schlozman K.L., Verba S. 2001. *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality and Political Participation*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 453 p.

Gender, Politics and Institutions: Towards a Feminist Institutionalism (ed. by M.L. Krook, F. Mackay). 2011. Basingstoke: Palgrave Macmillan. xvii, 232 p.

Hennessy R. 2014. Thinking Sex Materially: Marxist, Socialist, and Related Feminist Approaches. — *The SAGE Handbook of Feminist Theory*. London: SAGE Publications. P. 308-326.

Inglehart R., Norris P. 2000. The Developmental Theory of the Gender Gap: Women's and Men's Voting Behavior in Global Perspective. — *International Political Science Review*. Vol. 21. No. 4. P. 441-463.

Kenny M. 2013. *Gender and Political Recruitment: Theorizing Institutional Change*. London: Palgrave Macmillan. 215 p.

Krook M.L., Mackay F. 2011. Introduction: Gender, Politics, and Institutions. — *Gender, Politics and Institutions: Towards a Feminist Institutionalism* (ed. by M.L. Krook, F. Mackay). Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 1-20.

Parsons T., Bales R.F. 1955. The American Family: Its Relations to Personality and to the Social Structure. — *Family, Socialization and Interaction Process*. N.Y.: Free Press. P. 3-33.

BADMATSYRENOVA Elizaveta Leonidovna, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; el.leonidovna@mail.ru)

DORZHIEVA Svetlana Vladimirovna, Cand.Sci. (Legal), Associate Professor of the Department of Civil Law and Process, Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; dsv_1@mail.ru)

THEORETICAL MODELS OF WOMEN'S POLITICAL PARTICIPATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of theoretical approaches to the study of women's political participation. In the development of political science in this subject field, one can distinguish three major paradigms, among which the political science mainstream, the alternative of which are Marxist and Feminist approaches. In Russia, research on women's political participation is characterized by a wide palette of concepts, which considers various aspects of the gender gap, and the relatively weak integration of women into politics and political institutions.

Keywords: women, political participation, gender, political science